

Радь Э. А.

E. A. Rad

АВТОРЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

M. I. TSVETAYEVA'S SELF-REPRESENTATIVE STRATEGIES

Радь Эльза Анисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Россия, Стерлитамак); тел. 8(3473)33-98-50, 8(3473)43-22-50. E-mail: e.a.rad@struust.ru.

Elza A. Rad – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak Branch (Sterlitamak, Russia); tel. 8(3473)33-98-50, 8(3473)43-22-50. E-mail: e.a.rad@struust.ru.

Аннотация. Впервые художественная система М. И. Цветаевой рассматривается с точки зрения нарратологической категории авторской стратегии. Цель исследования – рассмотреть авторскую (жизненную) стратегию как систему внутренних стратегических направлений и ведущих поэтических принципов. Объектом исследования стали фольклорные поэмы, в которых стратегия и её направления репрезентированы наиболее ярко. В их нарративной структуре, включающей мотивы, образы и мифопоэтические традиции, авторская (жизненная) стратегия М. И. Цветаевой сохраняет своё концептуальное постоянство. Графически общая авторская стратегия представляет собой вертикаль – вектор, направленный вверх, отражающий стремление поэта в высшее измерение, в котором становятся доступными духовные истины.

Summary. For the first time, the artistic system of M. I. Tsvetaeva is considered from the point of view of the narratological category of the author's strategy. The purpose of the study is to consider the author's (life) strategy as a system of internal strategic directions and leading poetic principles. The object of the study was folklore poems, where the strategy and its directions are most clearly represented. In their narrative structure, which includes motifs, images and mythopoetic traditions, the author's (life) strategy of M. I. Tsvetaeva retains its conceptual constancy. Graphically, the author's overall strategy is a vertical vector in its upwards reflecting the poet's aspiration for a higher dimension where spiritual truths become available.

Ключевые слова: авторская стратегия, жизненная концепция, сверхзадача миро-исправления, надмирность, внутренние стратегические направления.

Key words: author's strategy, life concept, the main task of world correction, over-worldliness, internal strategic directions.

УДК 821.161.1

Проникновение в художественный мир М. И. Цветаевой, поэта со сложной, трагической судьбой, открывает читателю и исследователю особенное, цветаевское, понимание мира и человека. По-разному, порой противоречиво, ощущая время, М. Цветаева отзывалась на всё, что происходило в стране и в её личной жизни. При этом для неё в современности существенным было не сиюминутное, а вневременное, вечное («а я – до всякого столетия»), ибо только в контексте этого вечного открывается человеку глубокий смысл конечного, краткий миг индивидуальной жизни, сопряжённость духовного облика поэта с божественным началом.

М. Цветаева существовала в широком мировом литературном контексте. Её способность органично переплавлять в своих текстах самые разные литературные традиции определяет своеобразие художественного мышления: в произведениях М. Цветаевой находим своеобразный синтез идей и эстетических принципов античности, православия, литературы XIX века. Античная эстетика и русский фольклор как внеличностные культурно-эпохальные явления оказали на поэта особое влияние.

Любовь к Родине, трепетное отношение к русскому народному творчеству, к родному языку, желание сохранить и передать в своём творчестве самобытность и оригинальность русского менталитета всегда занимали в душе поэта особое место; несмотря на вынужденную эмиграцию, годы, проведённые на чужбине, свидетельствуют о верности этой любви. М. Цветаевой удалось до самого конца сохранить в себе русское национальное самосознание. В обращении к истокам она находила силу русской литературы, определяющей национальное самосознание как её самой, так и всего русского народа.

В исследовании механизма взаимодействия М. Цветаевой с безымянной, фольклорной, «мифологической» традицией лучше всего раскрывается основа её творчества: видимая «объективность» художественного слова и мифологизм мышления, нацеленный на соприкосновение и переосмысление неких общекультурных или национальных мифологем, а также на создание собственного художественного мифа.

Особый мир, созданный поэтом, ввиду своего богатства и *безмерности* [13] требует взглянуть на него по-новому в контексте появляющихся в литературоведении принципиально новых подходов.

Вопрос авторского мировосприятия и его отражения в тексте художественного произведения вызывает интерес литературоведов уже долгое время. Известно множество подходов к данной проблеме: ей занимались в разное время представители школы Б. О. Кормана, разработавшие теорию автора, М. М. Бахтин, на основе трудов которого позднее эта тема разрабатывается структуралистами и представителями семиотического подхода. В частности, М. М. Бахтин впервые обозначил и разграничил такие основополагающие понятия, как «авторская позиция» и «образ автора».

Тем не менее следует отметить, что данное направление продолжает активно развиваться и привлекать к себе всё внимание исследователей. В последние десятилетия были открыты принципиально новые пути литературоведческого анализа текста. В частности, в начале XXI века в литературоведение приходит понятие авторской стратегии, впервые появившееся в трудах В. Шмида и В. Тюпа в связи с обозначившимся в литературе нарративным подходом. Данное понятие вошло в научный обиход благодаря отечественным трудам 2000-х годов в рамках нарратологических и рецептивных исследований повествовательного дискурса и первоначально стояло в одном ряду с терминами «авторская позиция» и «образ автора», последние из которых подразумевают отношения в системе «автор – читатель – герой». Однако в дальнейшем литературоведы пришли к выводу, что выявление авторской стратегии представляет собой более широкий взгляд на анализируемое произведение: она представляет не только собственно автора, но репрезентирует его мирозерцание и взаимодействие с миром в различных аспектах. Литературоведческий анализ с данной точки зрения позволяет рассмотреть и выявить жизненную стратегию биографического автора как отражение общей жизненной концепции, его фундаментальные идеи, воплощённые в творчестве.

Более широкий подход, чем только вопрос отношений «автор – читатель – герой», осуществляют О. Ю. Осьмухина и А. И. Иваницкий. Они отмечают важность осмысления соотношения авторской стратегии, реализуемой в художественном тексте, литературно-художественного контекста, традиции [10, 161]. В этом отношении наиболее полным нам представляется определение, данное С. А. Байковой, которая отождествляет авторскую стратегию с повествовательной стратегией и даёт такую трактовку: авторская стратегия – «сознательно избранная тем или иным художником повествовательная модель с особым, индивидуально-авторским набором приёмов, тем, сюжетов, мотивов, образов и вовлечением в повествовательный дискурс автора – текста – читателя» [3, 4]. Т. И. Акимова, проанализировав историю теоретического вопроса правомерности использования понятия «авторская стратегия» в современном литературоведении и возможности его функционирования при сочетании новейших и традиционных методов исследования, делает вывод: «Понятие “авторская стратегия” расширяет границы литературоведческого анализа и позволяет рассматривать проявление авторского сознания на стыках с различными мирами: жизненным, художественным, культурным, социальным, межличностным. Особенно они становятся необходимы при исследовании “переходных этапов” в литературном процессе конца XVIII – начала XIX века, конца XIX – начала XX века и конца XX – начала XXI века» [2, 15].

Нарратологическая категория авторской стратегии в художественной системе Цветаевой понимается нами как выражение концептуального смыслового пространства, ориентированного на *вертикальный вектор* движения к некоему абсолюту (этическому, духовному) и содержащего особый, индивидуально-авторский набор приёмов, тем, сюжетов, мотивов, образов. Стратегия поэта начала XX века, чьё сознание вмещает в себя разные миры, предполагает вовлечённость в повествовательный дискурс «автор – текст – читатель» с учётом историко-биографического и литературно-художественного контекстов. Поэт выстраивает *авторскую стратегию* в соответствии с единой, с нашей точки зрения, *жизненной концепцией*, верность которой наблюдается на протяжении всего творческого пути. Автор в своей жизненной концепции преследует решение фундаментальной сверхзадачи миро-исправления, воплощения идеи, выражающейся в бинарных оппозициях, которые отражают вечную устремлённость поэта вверх, желание быть частью высшего мира, его познание духовных истин бытия.

Характеризуя жизненную концепцию и, соответственно, жизненную стратегию М. Цветаевой, ставшую *авторской в творчестве*, отметим, что Цветаева как человек и поэт передаёт *своё* ощущение времени и понимание состояния творчества в лирике, очерках, автобиографической прозе, в эпистолярном наследии; в творчестве поэта утверждается предельная всеобщность и сочетание основных бинарных оппозиций (верх/низ, быт/бытие, земное/небесное, обыденное/возвышенное), полярности, «*неизменной двоякости*» [14] художественного мира и устремлённости вверх. Данные оппозиции, разнообразно художественно воплощённые на разных уровнях текста и отличающиеся своим присутственным постоянством, порождены двоичностью восприятия окружающего мира и себя в нём и отражают фундаментальные мысли поэта о том, что истинные любовь, познание и жизнь духовная недоступны приземлённому обывателю, а значит, невозможны в бренном земном мире – а лишь в потустороннем, внеземном измерении. Сверхзадача поэта – донести до читателя мысль: земная, обыденная действительность не даёт возможности обывателю познать высшие духовные истины, только переход в качественно другое измерение мира духовного, небесного (внутренне перерождение) предоставляет возможность такого познания.

Система бинарных оппозиций расширяется и углубляется обширной концептосферой, которая в поэзии М. Цветаевой подразумевает особую интертекстуальность произведений: цветаевский художественный мир возник под влиянием русской и мировой культуры, вобрал в себя вневременные, общекультурные образы, символы и категории. В результате слияния образно-тематических сфер в творчестве поэта создаётся мир с собственной внутренней культурой, не только отражающий историческое время, но и созвучный с сегодняшним днём, содержащий пласт вечных смыслов.

Разделяем неоспоримое мнение В. А. Масловой, отмечающей исповедальный, «дневниковый» характер поэзии М. Цветаевой и утверждающей, что биография поэта стала неотъемлемой частью её творчества: «Цветаева всю жизнь творила миф о самой себе, и так же поступает современный модернист. <...> Миф – это способ организации поведения и конструирование самого человека...» [9, 15]. *Авторская стратегия* М. Цветаевой есть отражение *жизненной, концептуально определённой стратегии*. Взлёт над бытом, принадлежность к бытию, вечному, всевременному, *над-мирность* как положение уникального «я» поэта, умение откликаться на события, встречи, открытия – это то, что отличает художественный мир Цветаевой в целом. Поэт, творя автобиографический миф, действует в соответствии с уникальной стратегией, репрезентируя её в поэзии. Автобиографичность поэзии Цветаевой позволяет говорить о единой жизненной и авторской стратегии.

Учитывая смысловую бездонную глубину творчества Цветаевой («Постижение всех граней её творчества одним человеком невозможно» [7, 10]), сделаем оправданный акцент на периоде творчества 1920-1925 годов: в эти годы поэт как никогда осознаёт потребность и необходимость внутреннего единения с родной страной, её культурой и историей. Это время – сложнейшее и для поэта, и для всей страны: Цветаева отказывается принять революцию, и годы, проведённые в послереволюционной Москве, становятся для неё тяжёлым испытанием. Уже в 1920 году приходит чёткое осознание необходимости отъезда за рубеж. С точки зрения формирования авторской стра-

тегии, 1920-1925 годы – время, оказавшее большое влияние на формирование и становление мировосприятия и миро-осознания.

Концепт «Россия» как один из основополагающих в цветаевской концептосфере проходит красной нитью через творчество и отражает русскую натуру поэта. Любовь к Родине соединяется в её душе с тревогой и болью за неё, неизбывной тоской по родной стране, которую писательница испытывает в результате вынужденного расставания с ней [9, 61]. Эта особая связь реализуется в том числе и посредством языка. О. Г. Ревзина, размышляя о русской натуре поэта, упоминает её непостижимую безмерность, познannую ею в том числе как неотъемлемый признак России, признак русского языка [13, 20].

Особенно ярко, с нашей точки зрения, авторская (жизненная) стратегия М. Цветаевой демонстрируется в так называемых «фольклорных» поэмах, созданных в указанный нами период – период эмиграции и тяжёлого переживания поэтом необратимых изменений, происходящих в стране: «Царь-Девница», «Егорушка», «Молодец», «Переулочки»; особое место в этом ряду принадлежит поэме «Крысолов», в основе которой лежит сюжет, почерпнутый поэтом из немецкого фольклора. Фольклорные поэмы-сказки как часть творческого наследия поэта позволяют увидеть истинное отношение М. Цветаевой, поэта с русскими и немецкими корнями, к родной стране, её истории и литературе, выражающееся в тоске по Родине и любви к ней. А поэма «Крысолов» содержит смыслообразующие константы художественного пространства поэта и отражает мироощущение художника в чеховский период. В новой концепции известной истории получил художественную реализацию внутренний диалог с немецкими и русскими текстами, осуществился выход на множество общечеловеческих, вечных смыслов, – диалог, перерастающий в полилог, – и выразилось подсознательное, интуитивное, отчасти пророческое (на уровне обострённого чувствования своего времени) желание матери увести своего сына от реальной, дисгармоничной (русской, чешской или немецкой) действительности.

Господство в фольклоре традиционности и слабо отражённой личности творца не мешают М. Цветаевой, следующей традиционной сюжетной сказочной канве, выдвигать своё, авторское видение ситуации, проявлять новаторство. Между текстами (своим и чужим) возникает внутренний диалог, столь важный для понимания стратегии авторского высказывания. Цветаевские поэмы-сказки есть смоделированные авторским сознанием новые сюжеты, в которых писателю удалось подчинить фольклорный материал законам собственного, индивидуального мировоззрения и отразить концепции в соответствии с собственной жизненной стратегией. В стихотворной форме поэм-сказок М. Цветаева попыталась повторить универсальную закономерность мирового литературного процесса, связанного с развитием процесса перехода от фольклорных форм с «закодированным» в них коллективным сознанием народа к формам литературным, узаконившим право творческой индивидуальности писателя выступить новатором, передать глубину психологизма переживаний персонажей.

Обращение к фольклору даёт поэту возможность выразить и мучающие его противоречия. Цветаева использует приём инверсии сюжета, одновременно сохраняет в своём эпосе культурные особенности народа, его язык, затрагивает глубокие пласты античной и библейской мифологии. Сложная структура мотивов, множество различных смысловых наслоений, обращение к мифам, межтекстовые диалоги позволяют Цветаевой выстроить стратегию, представляющую собой стройную систему внутренних стратегических направлений. Создаётся концептуальное пространство поэта, и формируется индивидуально-авторская картина мира. Внутренние стратегические направления как части общей авторской (жизненной) стратегии, составляющие концепцию жизне-творчества поэта, в фольклорных поэмах реализованы как многоуровневая система и являются малоизученным аспектом творчества М. Цветаевой.

Стратегия задаёт вектор трансформации жанровых форм и художественных принципов их реализации. В нарративной структуре поэм-сказок Цветаевой, рассматриваемых с точки зрения художественных особенностей нарративного строения и в сравнительно-сопоставительном аспекте с фольклорными произведениями, авторская (жизненная) стратегия сохраняет своё концептуальное постоянство.

В «фольклорных» поэмах *внутренние стратегические направления* общей авторской (жизненной) стратегии составляют концепцию жизнетворчества поэта и представляют многоуровневую систему: а) стратегия смыслового углубления; б) стратегия диалогизма; в) стратегия наррации; г) стратегия миро-слушания и миро-исправления/восстановления России. Они позволяют описать механизм формирования индивидуально-авторской картины мира. Главные литературные приёмы поэта: инверсия первоначального сюжета и демифологизация первоисточника (сказки, легенды). В структуре поэм видятся как явное обращение к фольклорным источникам и сознательная переработка первотекстов, так и неявное и несознательное вступление в диалог разного характера, в результате которого возникают межтекстовые переключки. «Память жанра» оказывается весьма значима для поэтического мышления М. Цветаевой, решительно ломающей и трансформирующей жанровые и тематические каноны, склонной к смелым поэтическим экспериментам.

Остановимся более детально на *авторепрезентативных стратегиях*, наиболее явно отражающих концепцию жизнетворчества поэта.

1. *Стратегия смыслового углубления*, обусловленная общей концепцией творчества М. Цветаевой (представленной через бинарные оппозиции «духовное/телесное, возвышенное/низменное, быт/бытие, верх/низ») и сверхзадачей поэта – неприятием исходной ущербности реальной действительности, отличающейся бездуховностью и дисгармоничностью. В процессе творчества поэт инициирует непрерывный процесс постоянного смыслопорождения, актуализирует новые, порой неожиданные смыслы, углубляет их и наполняет известный фольклорный сюжет философским содержанием. Сохраняя фабульную конструкцию на уровне фольклорных мотивов, Цветаева улавливает двойственность и неоднозначность образов своих героев, углубляет их концептуально, рассматривает их поступки под новым, порой неожиданным углом. Трансформации сюжетов и образов позволяют писательнице обозначить, что мотивация поступков героев, как и их истинная суть, гораздо более глубоки, нежели у их фольклорных прототипов. В лироэпической поэме как модификации эпического инварианта находит особое отражение механизм философского наполнения, символизации и метафоризации ключевых образов. «М. Цветаева – поэт, подчеркнута ориентирующийся на многообразные фольклорные жанры, поэтику ритуала, и, следовательно, “память жанра” оказывается весьма значима для её поэтического мышления», М. Цветаева «одновременно и поэт, решительно ломающий и трансформирующий жанровые и тематические каноны, склонный к смелым поэтическим экспериментам» [8, 16]. Эксперимент, демонстрирующий проявление стратегии трансформации, диалогизма и смыслового углубления, наблюдаем в поэмах «Царь-девица» [6, 61-64] и «Крысолов» [11, 46-51].

2. *Стратегия диалогизма/авторского высказывания*. Человек вообще, а поэт тем более, всегда вступает в диалогические отношения, складывающиеся в масштабах культуры человечества в целом. Поэт отзывается на всё, что причастно самосотворению жизни, отзывается на бессмертные образы и сюжеты, представляя собой уникальное явление, особый опыт постижения мира и человека. Диалоги поэтов, осуществляющиеся в сознании и подсознании, это своего рода встречи, ибо всё бессмертное им и принадлежит. М. Бахтин отмечает: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий <...> обеспечивает сложное единство всего человечества <...>, сложное единство человеческой литературы. Всё это раскрывается только на уровне большого времени. Каждый образ нужно понять и оценить только на уровне большого времени» [4, 369]. Межтекстовый диалог осуществляется через актуализацию в сознании творца и в сознании читателя общих тем, образов и их глубинных существенных черт, получающих самостоятельное развитие и порождающих новые смыслы в картине мира поэта-реципиента. Через освоение классического наследия и рецептивную актуализацию новых смыслов утверждается наличие единой системы культурных кодов (пространственно-временных, предметно-функциональных, чувственных и т. д.), что закономерно приводит к некоей целостности художественно-эстетической модели сознания. Писательской отзывчивостью М. Цветаевой на устное народное творчество и классическое наследие определены многочисленные межтекстовые переключки. Стратегия диалогизма в «большом времени» реализована в поэмах «Молодец», «Царь-девица», «Крысолов», «Егорушка». Гоголевский контекст поэм, порождённый внутренним диалогом и принятием Цветаевой гоголевской поэтики,

представлен разными уровнями смысловых художественных единств. Две художественные модели мира (Гоголя и Цветаевой) имеют общее семиотическое поле, заключающее в себе художественно воплощённое философствование на «великие темы» и отражающее взаимопонимание столетий. Диалог репрезентирован целым рядом характеристик.

3. *Стратегия наррации*, заключающаяся в переосмыслении нарративности, жанровой и структурной трансформации и смыслового углубления фольклорного источника. Данная стратегия задаёт вектор трансформации жанровых форм и художественных принципов их реализации, актуализирует то, что отвечает жизненной стратегии поэта. Н. Д. Тамарченко и В. И. Тюпа рассматривают фольклорную сказку как протохудожественный нарратив [15, 28], не обращаясь к анализу нарративной структуры литературной сказки. Однако В. Г. Будыкина утверждает, что литературная сказка есть особый тип нарратива в силу определённых элементов сюжета, перешедших в неё из фольклора. Рассматривая текст литературной сказки, она приходит к выводу, что данный жанр также является нарративом ввиду «стремления автора к овладению системой типичных для народной сказки образов, её грамматикой и стилистикой» [5, 8].

Первичные тексты сказок представляли собой прозаический текст, но М. Цветаева переводит прозаический (эпический) жанр народной сказки/легенды в поэтический (лиро-эпический) жанр поэмы. В поэзии Серебряного века, в историко-литературном процессе XX века привычный сюжет претерпевает определённые трансформации. Нарратив русской народной сказки изменяется, проходя сквозь уровни восприятия поэтом действительности, и принимает форму, соответствующую ей. Трансформируя сюжет сказки и включая в него собственные глубоко личные переживания, новые мотивы, синтезируя мифы, Цветаева создаёт свой лирический, глубоко философский эпос. Такая трансформация нарратива ещё более подчёркивает основную мысль творчества поэта, главное положение её жизненной стратегии: истинное познание, духовные истины недоступны приземлённому обывателю.

Так, в фольклорных поэмах мы наблюдаем трансформацию жанровых форм и художественных принципов их реализации, но одновременно наблюдаем и сохранение общего поля философской перспективы системы мотивов, в том числе и в диалогах с другими поэтами. В частности, очень чётко просматривается диалог М. Цветаевой с Н. Гоголем. Поэты осуществляют путешествие в лабиринте человеческих страстей, через монологическую речь актуализируют мысли, релевантные для философской перспективы, – мысли, в которых Гоголь и Цветаева устремлены к постижению бытия человека. Оба исследуют главные онтологические вопросы – жизни и смерти, души и тела. Душа и дух как бытийное, надбытовое – главная тема их творчества, в точке бифуркации оказываются герои в своих решениях, определяющих дальнейшую судьбу. У обоих: горизонтальный вектор движения – от индивидуализма к социуму и вертикальный вектор – к некоему абсолюту (этическому, духовному) как верховной инстанции [12, 102-110].

4. *Стратегия миро-слушания и миро-исправления* проявляется в творчестве М. Цветаевой во множестве произведений, в том числе и в фольклорных поэмах и представлена сверхзадачей поэта – попыткой исправления изначальной неправильности земного существования. Неслучайно исследователи, говоря о творчестве поэта, часто отмечают в нём мотив трагедийности. Так, В. А. Маслова находит его в поздней лирике поэта, приводя в пример стихотворение «Госка по родине! Давно...», и напрямую связывает с темой потери Родины, с мотивом сиротства, странничества [9, 64]. Трагическую окраску она видит и в любовной лирике Цветаевой, поскольку чаще всего понятие любви у поэта неразрывно связано с понятием разлуки. Однако этот мотив проявился ещё раньше – в поэме «Царь-Девница». А. А. Саакянц прямо называет главный конфликт в поэме трагедийным, т. к. его суть – в невозможности любви героев, находящихся в разных измерениях [14, 217]. В поэтическом слове Цветаевой, вбирающем в себя многоголосие мира, его стихийность и неоднозначность, восстанавливается Россия. Путь Цветаевой в творчестве определён и стратегией миро-слушания, жизнетворчества. Её поэтическая и пророческая миссия – исправить, изменить Россию, одухотворить, облагородить, приблизить к Богу. С устремлённостью вверх (вертикальный вектор движения к некоему абсолюту – этическому, духовному, о чём мы говорили выше) связана способность поэта к само-суду как выражение жизненной стратегии судить себя и действитель-

ность, бытие и быт. Процесс создания произведений определяется особым даром мировидения и мирослушания, основан на интерпретации мира, природы, осмысления своего и чужого творчества.

Процесс анализа жизненной концепции М. Цветаевой подвёл нас к заключению, что появление мотива трагедийности напрямую связано в первую очередь с общей дисгармонией, которую поэт ощущает в окружающем мире; поэзия служит для неё инструментом, с помощью которого осуществляется попытка исправить эту дисгармонию [1, 84-95].

Таким образом, авторепрезентативные стратегии, системно организующие общую авторскую и одновременно жизненную стратегию М. Цветаевой, в так называемых фольклорных поэмах реализуются в процессе переосмысления первичных сюжетов устного народного творчества, составляют концептуальное пространство поэта и позволяют описать механизм формирования индивидуально-авторской картины мира. Тексты поэм представляют собой сложную, многоуровневую структуру, которую поэт выстраивает при помощи разнообразных литературных приёмов и средств, главными из которых, с нашей точки зрения, выступают инверсия первоначального сюжета, выбранного поэтом в качестве основы произведения, и демифологизация первоисточника (сказки, легенды). В ходе трансформации фольклорного текста, эксперимента над ним, а также построения сложного взаимодействия различных смысловых пластов (мифологических, фольклорных, литературных) с собственным жизненным опытом и духовными переживаниями М. Цветаевой удаётся репрезентировать в конечном варианте текста индивидуально-авторскую концепцию, отражающую жизненную стратегию поэта. В структуре поэм нам видится как явное обращение к фольклорным источникам и сознательная переработка первоисточников, так и неявное и несознательное вступление в диалог разного характера, в результате которого возникают межтекстовые переключки.

Избранная поэтом повествовательная модель с особым, индивидуально-авторским набором приёмов, тем, сюжетов, мотивов, образов – модель, в которой наиболее полно отражено соотношение авторского сознания с литературно-художественным и культурным контекстами и максимально ярко представлена и реализована концепция творчества с вертикальным вектором движения к некоему абсолюту – этическому, духовному. В работе над поэмами-сказками М. Цветаева шла тем же путём, каким шла во всей своей творческой деятельности, стремясь овладеть всем богатством мировой литературы – передать вечные смыслы. Обращение к нравственным урокам предков, сохранение особого национального колорита позволяет автору репрезентировать самобытную натуру своих героев, отражающую глубокий психологизм собственных личных духовных переживаний, любовь и тоску по родной стране. Однако М. Цветаева преследует цель не копирования первоисточников, а создания собственного философского, лирического эпоса, что удаётся ей благодаря использованию такого приёма, как трансформация сказочного нарратива. Различные культурные источники в поэтическом сознании формируют качественно новые тексты, в которых поэту удаётся репрезентировать индивидуально-авторскую концепцию, отражающую жизненную стратегию поэта. Взаимодействие различных культурных пластов и личных переживаний позволили поэту вступить в особый диалог с русской и мировой культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбашева, А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: «Триединство звука, слова, смысла» / А. А. Акбашева, Э. А. Радь // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 84-95.
2. Акимова, Т. И. Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект / Т. И. Акимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2-1 (44). – С. 13-16.
3. Байкова, С. А. Авторская стратегия прозы Евг. Попова 1970–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Байкова Светлана Алексеевна. – Нижний Новгород, 2013. – 20 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; прим. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
5. Будыкина, В. Г. Инверсия в нарративе литературной сказки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Будыкина Вера Геннадьевна. – Челябинск, 2004. – 173 с.

6. Дмитриева, Д. Г. Трансформация сказочного сюжета в поэме М. Цветаевой «Царь-Девница» / Д. Г. Дмитриева, Э. А. Радь // Международный журнал научных публикаций «Colloquium-journal». – 2020. – № 9 (61). – С. 61-64.
7. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 264 с.
8. Магомедова, Д. М. Стихотворные диалоги Марины Цветаевой / Д. М. Магомедова // «Через сотни разъединяющих лет...». Пространство цветаеведения. Исследования. Популяризация творческого наследия: материалы Пятых Международных Цветаевских чтений / Отв. ред. А. И. Разживин. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2011. – С. 13-21.
9. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
10. Осьмухина, О. Ю. Проблема авторской стратегии как объект литературоведческого анализа / О. Ю. Осьмухина, А. И. Иваницкий // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 2 (18). – С. 161-162.
11. Радь, Э. А. Авторская стратегия смыслового углубления в поэме М. И. Цветаевой «Крысолов» / Э. А. Радь, Д. С. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 46-51.
12. Радь, Э. А. Авторская стратегия наррации в поэме-сказке М. И. Цветаевой «Молодец» / Э. А. Радь, Д. С. Яковлева // Всероссийский научный журнал. Общественные науки. – 2017. – № 4-1. – С. 102-110.
13. Ревзина, О. Г. Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта / О. Г. Ревзина. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.
14. Саакянц, А. А. Марина Цветаева: жизнь и творчество / А. А. Саакянц. – М.: Эллис Лак, 1999. – 816 с.
15. Теория литературных жанров: учеб. пособие / М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа; под ред. Н. Д. Тamarченко. – М.: Академия, 2011. – 256 с.